

Евгений Яблоков
Институт славяноведения РАН
eajablokov@gmail.com

Evgenij Yablokov
Institute of Slavic Studies of the RAS
eajablokov@gmail.com

«У НАС ОДИН КНЯЗЬ НА ВСЮ МОСКВУ,
И ТОТ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН СЫН КУЧЕРА»
(Образ политика-оборотня в произведениях Михаила Булгакова)

“WE HAVE ONE PRINCE FOR ALL MOSCOW,
AND HE APPROVES THAT HE IS A COACHMAN’S SON”
(Image of the politician-werewolf in Mikhail Bulgakov’s works)

В статье анализируется поэтика политических аллюзий в ряде произведений Булгакова — повести *Собачье сердце*, пьесах *Зойкина квартира*, *Иван Васильевич и Батум*. Подтекстные намеки на конкретного политического деятеля в булгаковских текстах сопряжены с однотипными мотивами и мотивными конфигурациями. В качестве примера выбран блок аллюзий на Сталина; в произведениях Булгакова видим намеки на компрометирующие факты, заимствованные из «неофициальной» биографии вождя (неясность происхождения, уголовное прошлое, сотрудничество с царской охранкой в качестве провокатора и пр.). Сталинские «знаки» в образе конкретного персонажа сочетаются с сюжетным мотивом изменчивости, многоликости не только в метафорическом (лицемерие, двурушничество), но и в буквально-«телесном» смысле. Мифологический дискурс взаимодействует с политическим, и персонажи, аллюзивно связанные со Сталиным, проявляют оборотническую природу; соответственно, сталинский подтекст актуализирует оппозиции посястороннего / потустороннего, живого / неживого.

Ключевые слова: поэтика, подтекст в литературном произведении, политические аллюзии, М. Булгаков, проза, драматургия, оборотень.

The article analyzes the poetics of political allusions in a number of Bulgakov’s works (the novel *The Heart of a Dog*, the plays *Zoyka’s Apartment*, *Ivan Vasilyevich* and *Batum*). Subtextual hints to a certain politician in the Bulgakov’s texts are associated with the congenerous motives and motives configurations. One of such examples is block of allusions to Joseph Stalin; in Bulgakov’s works we see hints of incriminating facts borrowed from the leader’s “unofficial” biography (uncertain of birth or origin, criminal activities before the revolution, cooperation with the tsarist Guard Department (as

a provocateur, etc.) The Stalin's "signs" in the image of the certain character are combined with the plot's motive of variability / ambiguity not only in the metaphorical (hypocrisy, double dealing), but also in the literally, "corporal" sense. Mythological and political discourses are interacting, and the characters, allusively associated with Stalin, are manifesting lycanthropy's nature; therefore the Stalin's subtext actualizes the oppositions worldly / otherworldly, living / nonliving.

Key words: poetics, subtext in a literary work, political allusions, Mikhail Bulgakov, prose, plays, werewolf.

В настоящей статье речь пойдет не только о политических намеках как таковых, но и о факторах их возникновения. Мы намерены показать, что аллюзии на конкретного политического деятеля в булгаковских произведениях сопряжены с однотипными мотивами и мотивными конфигурациями. Судя по всему, здесь действует логика как «внешняя» (влияние конкретных политических обстоятельств), так и «внутренняя», обусловленная константами индивидуального мироощущения, которое диктует писателю «отбор» типологически сходных друг с другом ассоциаций.

Отыскание политических аллюзий у Булгакова — занятие отнюдь не новое, причем на этом пути известны явные курьезы. Тем, кто ориентируется в булгаковедении, памятна статья усердного автора, который в свое время «назначил» прототипы практически для всех персонажей *Собачьего сердца*, не позабыв даже чучело совы, и завершил свой опус призывом: «Основная задача сейчас — дать каждому тайнописному произведению Булгакова первичную расшифровку» (Июффе 1987: 260–261, 271–274). Однако лавры «расшифровщиков» довольно сомнительны и не кажутся заманчивыми — мы не склонны лишать произведения Булгакова собственно художественного содержания, сводя их к шаржам на современных писателю персон. Можно согласиться с тем, что политические намеки и аллюзии встречаются практически во всех крупных булгаковских произведениях (Смирнов 1998: 15), но функции подобных элементов всегда зависят от конкретного сюжета и должны анализироваться с учетом его специфики.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, обратимся к образу И. В. Сталина, который не только послужил для Булгакова объектом многократных намеков¹, но и предстал в виде персонажа — как внесюжетного (пьеса *Агам и Ева* завершается репликой «Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь» (Булгаков 2010: 76), но этот «секретарь» перед зрителем уже не появляется), так и ведущего (*Батум*).

¹ Известен полуапокрифический эпизод, связанный со сталинскими аллюзиями: «Когда однажды Елена Сергеевна заметила мужу по поводу какой-то рукописи:

— Опять ты про него, —

Михаил Афанасьевич ответил:

— Я его в каждую пьесу буду вставлять!» (Шенталинский 1997: 196).

Причины столь пристального внимания к вождю понятны. О роли Сталина в жизни писателя практически все было сказано еще в XX веке, и за последние десятилетия не прибавилось ничего нового, кроме разве что дилетантских фантазий на эту тему². Мы будем затрагивать биографическую «фактуру» лишь для подтверждения основного тезиса: в произведениях Булгакова *сталинский дискурс устойчиво сочетается с дискурсом телесных трансформаций*. Сразу уточним, что под словом «телесный» имеются в виду как собственно физические, внешние свойства организма, так и его внутренние состояния (в конечном счете — «воплощенная» в организме личность), то есть речь идет о *перерождении* в широком смысле, причем под трансформациями мы подразумеваем перемены не только имманентные, спонтанные, но и «искусственные», обусловленные вмешательством извне. Вместе с тем надо учесть, что в булгаковских произведениях физические трансформации нередко сочетаются с «метафизическими» — в соответствующих мотивах актуализируются оппозиции посюстороннего/потустороннего, живого/неживого и т. п.

Как любой интертекстуальный элемент, аллюзия предполагает текстовые «знаки», указывающие (хотя бы приблизительно) на конкретного адресата. В противном случае поле ассоциаций беспредельно и можно говорить разве что о типологическом сходстве — например, мотив власти и могущества даже в контексте советской реальности 1920-х — 1930-х годов не обязательно отсылает именно к Сталину. В упомянутой статье С. Иоффе, несмотря на субъективность многих ассоциаций, признаки сталинского дискурса в повести *Собачье сердце* указаны в общем верно — к таковым относятся «металлическая», подобно псевдонику вождя, фамилия Чугункин³, «маленький рост и очень скромное, “дворянское”

² Характерный пример — пассажи Д. Л. Быкова, перепевающего наивные рассуждения К. А. Икрамова, который еще в советские времена трактовал роман *Мастер и Маргарита* следующим образом: «Сила власти, ее блеск и подробности атрибутов гипнотизируют не только читателя, но прежде всего автора. Заметно нечто, что можно назвать женственным началом, особым сладострастием. Мастер рисует Пилата с тем же трепетным преклонением и сладким замиранием сердца, готовым перейти в любовь, с каким Маргарита видит Воланда» (Икрамов 1991: 209). У Быкова тезис о «любви к власти» возведен в максимальный градус. Он провозглашает: «Булгаков верил в свою мистическую связь со Сталиным» и именно для него написал роман *Мастер и Маргарита* — который на самом деле книга вредная, «ужасно дурновкусное произведение» и «пошлятина». Разговор о булгаковском *произведении* Быков, в силу филологической беспомощности, подменяет фантазиями о *писателе* Булгакове — тот якобы стремился подольститься к Сталину, втереться в число «избранных» и в качестве конформиста выторговать привилегии. «Булгаков любит тайную полицию», «оправдывает репрессии»; его роман «оправдывает Сталина, и более гнусной художественной задачи не было в русской литературе» (<https://ru-bykov.livejournal.com/2015279.html>). И далее в таком же духе — банальное дилетантское вранье.

³ При этом его имя, Клим, указывает на одного из ближайших соратников Сталина (Иоффе 1987: 267). Ворошилов здесь — «подставной» прототип (Яблоков 2018: 148–149), знак определенного круга, к которому принадлежит прототип реальный.

происхождение» булгаковского персонажа, его уголовное прошлое, склонность к матерщине (Иоффе 1987: 260, 267, 269–270). Добавим еще одну важную биографическую параллель: причина смерти Чугункина — «удар ножом в сердце в пивной» (Булгаков 2008б: 208) — напоминает о том, что отец Сталина сапожник В. И. Джугашвили погиб от ножа в пьяной драке⁴ (Аллилуева 1990: 121; Бракман 2004: 43).

Трудно полностью представить, какими путями, какая именно «по-таенная» информация о новоявленном (для середины 1920-х годов) генсеке распространялась «в народе» и что мог знать по этому поводу Булгаков. Но актуализируемая Шариком тема «породы» перекликается со слухами о «недостоверном» происхождении Сталина. Стремясь объяснить благосклонность Преображенского, пес выдумывает себе родословную в духе бульварного романа: «Я — красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито <...> Очень возможно, что бабушка моя согрешила с водолазом. То-то, я смотрю, у меня на морде белое пятно» (Булгаков 2008б: 184). Явно абсурдная логика (белое пятно — «фамильный» признак водолаза, хотя собаки этой породы имеют, как правило, черный или коричневатый окрас) усиливает намек. По некоторым источникам, истинным отцом Сталина считался князь Я. Г. Эгнаташвили⁵, у которого работала горничной (или поденщицей) Екатерина Джугашвили⁶ (Торчинов, Леонтьев 2000: 555; Бракман 2004: 5; Островский 2004: 76). Характерно, что французское слово *prince* (ср. «присвоенный» Шариковым титул) означает «князь».

Дискурс телесных трансформаций в *Собачем сердце* сочетает тему крови и породы в «естественнонаучном» — как «одновидовом» («пес-дворник» [Булгаков 2008б: 184]/пес-«дворянин»), так и «разновидовом» (собака/человек) — аспекте с мифологическим подтекстом, в рамках

⁴ Ряд исследователей настаивают на ложности данной версии (Островский 2004: 298; Монтефиоре 2014: 269), однако в 1920-х годах она, по-видимому, доминировала.

⁵ Другой «вариант» родословной Сталина — происхождение от знаменитого исследователя Н. М. Пржевальского (Торчинов, Леонтьев 2000: 387–388; Радзинский 2006: 28), который, хотя и не был князем, принадлежал к шляхетскому роду. «Выдающихся людей скромного происхождения часто считают сыновьями кого-то другого. Но на самом деле они порой оказываются детьми своих законных отцов» (Монтефиоре 2014: 63).

⁶ Характерно оскорбительное, недопустимое для грузинской культурной традиции отношение Сталина к матери. В частности, имеются воспоминания о том, как, приехав в 1928 г. в Тбилиси и увидев Е. Г. Джугашвили среди встречающих на вокзале, Сталин по-грузински сказал: «И ты, старая блядь, здесь!» — после чего отказался поехать к матери в гости (Шатуновская 2001: 397). Характерна в финале булгаковской повести (которая, впрочем, была написана раньше, чем произошел изложенный эпизод) реплика Шарика: «Потаскуха была моя бабушка, царство ей небесное, старушке» (Булгаков 2008б: 262). Э. С. Радзинский на основании сохранившихся писем Сталина отрицает правдоподобность сведений о его непочтительном отношении к матери (Радзинский 2006: 28–29); но в 1920-х годах версия «неоднозначного» происхождения генсека была достаточно распространена. К тому же сохранилась информация (хотя ее трудно считать вполне достоверной) о достаточно свободном (особенно по кавказским критериям) поведении Е. Г. Джугашвили (Монтефиоре 2014: 61, 69).

которого эксперимент «жреца» Преображенского выглядит как магические действия, вызвавшие к жизни антропоидного демона (псоглавец, волколак и т. п.). Соответственно, сталинские аллюзии в повести сопряжены с инфернальной составляющей — к этой конструкции Булгаков вернется в пьесе *Батум*.

Но генеалогические тайны, хотя и чреватые скандальными последствиями, все же не содержали ничего криминального. Наряду с ними в биографии Сталина имелись эпизоды, когда «двойственность» равнялась политическому преступлению и никак не совмещалась с официальным образом лидера большевистской партии. Соответствующие намеки явственны в комедии *Зойкина квартира*, где принцип «оборотничества» лежит в основе поэтики, проявляясь в структуре времени-пространства, мотивных конфигурациях, характерах персонажей и т. д.

В отличие от *Собачьего сердца*, мотив телесных трансформаций не является в комедии сюжетобразующим⁷, но при этом выступает «сверхметафорой» происходящего. Обольянинов повествует об эксперименте (очевидна переключка с естественнонаучными мотивами повести), ассоциирующемся с его собственной жизнью: «бывшая курица», превращенная «коммунистическим профессором» в «пятаха» (Булгаков 2009б: 133), — аналог навязанного Обольянинову статуса «бывшего графа» (Там же: 133). Образ трансгендерных «бывших кур» (Там же: 152) — аллегория советской жизни; через орнитоморфные коннотации все «бывшие» противопоставлены новому «хозяину» — советскому чиновнику, чья фамилия *Гусь* становится, по сути, именем нарицательным. Вспоминая убитого ножом в пивной персонажа *Собачьего сердца* с «металлической» фамилией, подчеркнем, что зарезанный в «злачном» месте Гусь⁸ возглавляет «трест *тугоплавких металлов*»⁹ (Там же: 98), — повторен элемент сталинского дискурса. Многозначительна в этом контексте и фамилия председателя домкома — Аллилуя: вторая жена Сталина Надежда была дочерью старого большевика С. Я. Аллилуева — которого, как и его зятя, подозревали в сотрудничестве с охранкой (Бракман 2004: 37–39). Обратим внимание на возраст персонажа: Аллилуе 42 года (Булгаков 2009б: 98) — именно столько было Сталину (родившемуся, по официальной версии, в конце 1879 г.) весной 1922 г., когда начинается действие комедии (Там же: 104). Разумеется, к Аллилуе вполне относится метафора «оборотничества»: будучи существом аморальным (взяточник, развратник, лицемер), он при этом «кандидат» (Там же: 102) в члены ВКП(б) и в этом

⁷ Если не считать амбивалентного образа женского тела, которое по условиям сюжетной диспозиции (швейная мастерская, оборачивающаяся борделем) сочетает признаки «манекена» и сексуального объекта.

⁸ Характерно, что Гуся лишает жизни «змеи» — на груди Херувима татуировка с драконами и змеями (Булгаков 2009б: 111); сопоставим оппозицию курицы / змеи в повести «Роковые яйца» (Яблоков 2001: 57–60).

⁹ Здесь и далее курсив в цитатах — наш.

качестве склонен к нравственным поучениям, причем переход от одной «ипостаси» к другой совершается моментально.

В рамках нашей темы первостепенный интерес в *Зойкиной квартире* представляет Аметистов, принадлежащий к типу демонического «перевертыша», готового по-хлестаковски прикинуться кем угодно, воплотиться в любой образ. Намекает он и на обстоятельства в духе сочиненной Шариком истории про «бабушку»: «Я, знаете ли, если расскажу вам некоторые *тайны своего деторождения*, вы прямо изойдете слезами» (Там же: 151). Генеалогическая тема не получает прямого развития, зато в фантазиях Аметистова гротескно воплощена *сословная* амбивалентность: он выдает себя за представителя «старого» дворянства («Известная фамилия, многие представители расстреляны большевиками» [Там же: 123]) и вместе с тем за современного «дворянина» — старого большевика, революционера-подпольщика. Обольянинову Аметистов рассказывает о своем якобы сожженном в революцию имении (Там же: 156), а Аллилуе говорит, что вышел из партии ввиду «фракционных трений» (Там же: 124), причем именует себя «старым боевиком», заявляя: «Я одно время на Кавказе громадную роль играл» (Там же: 125). Эти реплики, возможно, намекают на большевистского боевика Камо (С. А. Тер-Петросяна), прославившегося на Кавказе «экспроприациями» (грабежами с целью добывания средств для партийной работы) под руководством Иосифа Джугашвили. Летом 1922 г. в Тифлисе Камо, ехавший на велосипеде, погиб, попав под грузовой автомобиль. Нелепость происшествия (грузовик был чуть ли не единственный в городе) породила слухи, что Камо «убран» по приказанию Сталина как опасный свидетель, поскольку меньшевик Ю. О. Мартов в заграничных публикациях этого периода привлек внимание к уголовному прошлому генсека¹⁰ (Торчинов, Леонтьев 2000: 476–477; Бракман 2004: 175–176, 206; Монтефиоре 2014: 42–43, 200–203; Воронов 2016); характерно, что в 1937 г. биограф Камо (Бибинейшвили 1934) был уничтожен, а в 1938 г. по приказу Сталина уничтожили и могилу Камо (Бракман 2004: 46).

Еще многозначительнее в рассказях Аметистова сочетание темы *Баку* и мотива *расстрела*. В ответ на слова Зои, что его «расстреляли в Баку», Аметистов возмущенно восклицает: «Если меня расстреляли в Баку, я, значит, уж и в Москву не могу приехать? Хорошенькое дело. Меня *по ошибке расстреляли* совершенно невинно» (Булгаков 2009б: 117). В середине 1920-х годов диалог неизбежно ассоциировался с историей 26 бакинских комиссаров, причем «расстрел по ошибке» можно воспринимать как намек на организованную большевиками фальсификацию. Расследовавший в 1919 г. убийство 26 арестованных (из которых

¹⁰ По мнению О. В. Эдельман, «исток живучего слуха, что Сталин был уголовником, налетчиком, главарем банды», следует искать «в партийных склоках начала двадцатых годов» (Эдельман 2016: 13).

народными комиссарами на самом деле были лишь несколько человек) В. А. Чайкин¹¹ в книге, опубликованной в 1922 г. в Москве, наряду с официальной версией расстрела (Чайкин 1922: 80–81) привел противоречившие ей сведения¹². Говоря о проходившем 16–27 апреля 1921 г. в Красноводске судебном процессе по делу об убийстве комиссаров, Чайкин, в частности, пишет:

...Комиссары, как выяснилось неожиданно во время самого процесса, были не расстреляны, а обезглавлены <...> ...Все 26 голов были отделены от туловищ. Наконец <...> трибуналу были поданы две записки с подписями, в которых передавался <...> хвастливый рассказ туркмена, начальника туркменской стражи, о том, как он отрубил головы 26 большевикам. Туркмен этот (единственный из туземцев Закаспия, принявший участие в казни комиссаров) был тотчас арестован через комендатуру Красноводска и приведен в зал суда в качестве обвиняемого. Хотя этот человек отрицал свою вину, но свидетельские показания убедили всех в том, что именно он был палачом комиссаров.

(Чайкин 1922: 128)

Однако в первой половине 1920-х годов эти факты были сочтены «не соответствующими» героическому образу; «бакинские комиссары» стали одним из пропагандистских мифов:

Коммунисты решили, что ни в коем случае не станут оглашать факты о подлинной гибели комиссаров широким массам, так как она отнюдь не изобилует примерами их героизма. Все это как-то надо было идеализировать, превратив всех комиссаров в негибаемых революционеро-ленинцев. Вот здесь и была выдумана «история» с расстрелом и героиче-

¹¹ Между прочим, незадолго начала работы Булгакова над *Зойкиной квартирой*, 11 января 1925 г. был арестован сообщивший в 1919 г. Чайкину подробности их гибели руководитель начавшегося летом 1918 г. в Ашхабаде антибольшевистского восстания и глава рабочего Закаспийского временного правительства Ф. А. Фунтиков, которому инкриминировалось в том числе соучастие в казни комиссаров. 17 апреля 1926 г. в Баку открылся судебный процесс над ним, 27 апреля Фунтиков был приговорен к расстрелу и 5 мая казнен; об этом подробно писали как местные, так и центральные газеты (https://ru.wikipedia.org/wiki/Фунтиков,_Фёдор_Адрианович).

¹² Такое же несоответствие имеется в вышедшем в 1922 г. в Баку мемориальном сборнике (повторим, что именно в этом году происходит действие *Зойкиной квартиры*). Здесь в ряде публикаций (например, в статье А. И. Микояна «К кровавой годовщине») изложена версия *расстрела* комиссаров. Вместе с тем в статье М. И. Кахиани читаем: «Мы говорим — умерщвлены, а не расстреляны, ибо — по выясненным на процессе по этому делу в Туркестане данным — они были не расстреляны, а обезглавлены, и все 26 голов были отделены от туловища» (Кахиани 1922: 33).

Поэтому, возможно, неслучайна в *Зойкиной квартире* реплика Газолина, адресованная Херувиму: «Ты если убивать будешь, коммунистай полиций кантрами тебе мал-мала будет делать» (Булгаков 2009б: 108). «Делать кантрами» — отрубить голову (Воронович 1952: 33). Кстати, мотив декапитации в «китайском» контексте присутствует и в булгаковском рассказе «Китайская история», герой которого Сен-Зин-По — феноменальный пулеметчик: «...в полках говорили, как ходя головы отрезает на 2 тысячи шагов» (Булгаков 2008а: 381).

ским поведением бакинских комиссаров. Пригласили в ЦК художника И. И. Бродского и велели ему написать картину. Вскоре заказ любимой партии был им исполнен. А уже другие «специалисты», состоящие для подобных целей на службе у коммунистов, придумали даже речи, которые якобы произносили перед расстрелом комиссары, чередуя их с пением Интернационала.

(Сенников 2004: 15)

Характерно, что в первой редакции *Зойкиной квартиры* Аметистов носил фамилию *Фиолетов*¹³ (Булгаков 1990б: 364), прямо намекавшую на одного из комиссаров — И. Т. Фиолетова, который имел партийную кличку Ванечка, причем его именовали так даже в официальных текстах¹⁴. Кстати, в газете «Известия» от 20 сентября 1925 г. на обратной стороне листа, где напечатана рецензия Л. Л. Авербаха на книгу Булгакова *Дьяволиада*¹⁵, помещена заметка «Памяти 26» — здесь названы по именам трое из расстрелянных семь лет назад комиссаров: Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Ваня Фиолетов. В *Зойкиной квартире* одного из чекистов зовут *Ванечкой*, он именуется так и в афише (Булгаков 2009б: 98); при этом в ранней редакции комедии в эпизоде, когда Ванечка обнаруживал Газолина в шкафу, тот принимал чекиста за Фиолетова (то есть Аметистова) и между ними происходил следующий диалог:

Ванечка. Сидишь?
Газолин. Сидю. Ты Фиолетовый?
Ванечка. А? Абсолютно.

(Булгаков 1990б: 386)

«Ванечка Фиолетовый» — явная перекличка с бакинскими событиями 1918 года. Однако «произнесение фамилии Фиолетов было невозможно <...> надо было отказаться или от упоминания расстрела в Баку, или от фамилии Фиолетов. Булгаков же, по сути, сохраняет и то, и другое, заменив прежнюю фамилию персонажа прозрачным эвфемизмом “Аметистов”» (Смирнов 1998: 17). При этом семантику фиолетового цвета поддерживают введенные в комедию *сиреневые* «знаки». Главный из них — платье, которым Зоя «соблазняет» Аллу: его цвет сходен с небом над парижскими бульварами (Булгаков 2009б: 139–140), куда Алла (как и Зоя) стремится. Это же платье рекламирует Аметистов в сцене, когда

¹³ Фамилия встречается также в булгаковском фельетоне «Угрызаемый хвост» (август 1925 г.), где принадлежит кающемуся растратчику; при этом автор назвал Фиолетова «Мишей» (Булгаков 2009а: 590), дав ему собственное имя.

¹⁴ Фиолетов, например, именуется Ванечкой в упомянутой статье Микояна в бакинском сборнике (Памяти 1922: 13), а опубликованный здесь же очерк Н. Н. Колесниковой прямо озаглавлен «Ванечка» (Памяти 1922: 116).

¹⁵ Вырезка с этой рецензией вклеена в один из альбомов Булгакова — позже он процитирует текст Авербаха в письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г., указав автора и выходные данные (Булгаков 2011: 109).

Алла должна соблазнить Гуся; платю «вторит» украшающая эстраду сирень (Там же: 178). Про «сиреневый трупик» (Там же: 150) говорится в романсе А. Н. Вертинского «Кокаинетка» (1916), который мелодекламирует Аметистов, сопровождая «умирание» Лизаньки (травестия «Бедной Лизы»), чья пантомима переходит в бурлескный *dance macabre*. Мы сознательно не касаемся литературных коннотаций фиолетово-сиреневого цвета (Золотоносов 1999: 442), поскольку в данном случае важно лишь то, что он «дополняет» внутреннюю форму фамилии.

Образ «расстрелянного» и вместе с тем живого Аметистова напоминает про А. И. Микояна¹⁶, который в 1918 г. находился в числе арестованных деятелей Бакинской коммуны, но, в отличие от них, не погиб, а был отпущен — якобы потому, что выдал товарищей (Как погибли 2018). Показательно, что вскоре Микоян сделал стремительную карьеру: занимал руководящие посты в парторганизациях Азербайджана и Северного Кавказа, в 1923 г. был избран членом ЦК РКП(б) и явно воспринимался как сталинская креатура. В августе 1926 г. (за два месяца до премьеры *Зойкиной квартиры* в Театре им. Евг. Вахтангова) Микоян — в тридцатилетнем возрасте — стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а также наркомом внутренней и внешней торговли.

Вряд ли правомерно видеть в Аметистове «буквальные» черты Микояна; судя по всему, здесь тоже использован прием «подставного» прототипа, когда броскими, но не слишком содержательными аллюзиями маскируется намек на более «серьезные» персоны и обстоятельства. Сам Микоян рассказывал, что в 1937 г. Сталин угрожал ему расследованием «темной и запутанной» истории гибели бакинских комиссаров (Медведев 1984: 149). Но если Микоян действительно был повинен в их смерти, то тем самым оказал услугу именно Сталину¹⁷. Руководитель кавказских большевиков и «первый» из бакинских комиссаров С. Г. Шаумян считал Сталина агентом охраны и предвидел, что тот приложит

¹⁶ Имя Аметистова, Александр Тарасович (Булгаков 2009б: 98), фонетически сходно с именем Микояна — Анастас Иванович. Кстати, фамилия Микоян эквивалентна русской фамилии Михайлов и могла восприниматься Булгаковым как «родственная» — под псевдонимом Михайлова (образованным от имени мужа) выступала на сцене во Владикавказе в 1920–1921 гг. его первая жена Татьяна Николаевна (Кисельгоф 1991: 82; Булгаков 2011: 17).

¹⁷ Примечательно, что Микоян и Сталин учились в одной и той же Тифлисской духовной семинарии — первый окончил ее в 1915 г., второй был исключен в мае 1899 г. за неявку на экзамен для перевода в выпускной шестой класс (Бракман 2004: 14). Булгаков мог ощущать особую связь с этим учебным заведением: его дядя (брат отца) Н. И. Булгаков в начале 1890-х годов служил в Тифлисской семинарии помощником инспектора и преподавателем. В конце 1893 г. ее студенты устроили бунт, требуя удалить ряд преподавателей, в первую очередь Булгакова. В ответ Синод исключил 87 «бунтарей», в их числе — Ладо (Владимира) Кецховели, старшего друга Сталина, и на полгода закрыл семинарию «на профилактику». А с сентября 1894 г. там начал учиться пятнадцатилетний Иосиф Джугашвили (Яблоков 2011: 52–53).

все усилия, чтобы погубить Шаумяна как опасного свидетеля¹⁸. Соответственно, содержащийся в *Зойкиной квартире* намек на «неофициальную» версию бакинских событий актуализировал в биографии большевистского лидера факты, свидетельствующие о его двурушничестве. Кстати, вскоре после того, как появились первые «официальные» биографии Сталина, в Грузии в 1925 г. вышла брошюра, где сообщалось (разумеется, с возмущением), что в 1905 г. меньшевики посмели объявить будущего вождя «агентом правительства, шпиком-провокатором». «Как бы ни негодовал автор брошюры, предание гласности этих <...> забытых обвинений давало невольную пищу для кривотолков тем, кто до того даже не задумывался о возможности постановки подобного вопроса» (Островский 2004: 9). К тому же незадолго до написания *Зойкиной квартиры*, 10 апреля 1925 г.¹⁹ город Царицын был переименован в Сталинград²⁰ — это, разумеется, напомнило о событиях лета — осени 1918 г.,

¹⁸ Известны воспоминания личного секретаря Шаумяна О. Г. Шатуновской: «Летом 1918 года во время создания Бакинской коммуны, когда Шаумян был предсовнаркомом Коммуны и чрезвычайным комиссаром Кавказа и Закавказья, он обратился к Ленину с письмом, в котором писал об исключительно тяжелом положении осажденной Бакинской коммуны.

Он просил помощи вооруженными силами, продовольствием и деньгами. Был получен ответ Владимира Ильича, в котором он писал о своем полном одобрении политики Шаумяна в Баку и сообщал, что соответствующие указания о посылке в Баку вооруженных сил, продовольствия и всего прочего дал Сталину в Царицын.

Степан Шаумян был очень огорчен этим известием. Он высказал это в кругу наиболее близких к нему людей. Я лично присутствовала при этом вместе с сыновьями Шаумяна Суреном и Леоном.

Товарищ Степан сказал: «Сталин мне никогда ничем не поможет. Наоборот, он делает все, чтобы погубить меня и вместе со мной дело Бакинской коммуны. Причина в том, что мне доподлинно известно — он является провокатором. В 1908 году я скрывался на одной квартире от преследований жандармов, искавших меня. Это место было известно только Сталину, и никому другому. Тем не менее жандармы явились и арестовали меня».

Предвидение Шаумяна оправдалось: несмотря на приказ главнокомандующего всеми фронтами гражданской войны о посылке в Баку дивизии Петрова (14 тысяч штыков, с артиллерией и другими вооружениями), Сталин отправил эту дивизию на совершенно другой участок фронта. В Баку же всего за несколько дней до падения там советской власти был прислан небольшой отряд во главе с Петровым» (Шатуновская 2001: 388; см. также: *Были ли* 1999: 286–287).

¹⁹ Тремя неделями раньше, 19 марта 1925 г. на московской улице недалеко от Кремля умер (по официальной версии — от сердечного приступа) крупный азербайджанский политический деятель (с 1922 г. — председатель ЦИК СССР от ЗСФСР), мусульманский лидер и писатель Нариман Нариманов (Баберовски 2010: 299–300), которого Шаумян весной 1918 г. спас от смерти. Нариманов тоже являлся одним из руководителей Бакинской коммуны, но летом 1918 г. был назначен комиссаром по народному образованию в Астраханскую губернию. По одной из версий, причиной смерти Нариманова могла послужить многолетняя ссора с Микояном (https://ru.wikipedia.org/wiki/Нариманов,_Нариман_Кербалаи_Наджаф_оглы).

²⁰ О. Г. Шатуновская передает рассказ Л. С. Шаумяна (сына комиссара), который в 1920-х годах был секретарем Царицынского горкома РКП(б): «...в Царицын прибыли посланцы Сталина и обратились в горком с его поручением переименовать Царицын в Сталинград, так как Сталин в гражданскую войну возглавлял оборону Царицына.

когда Сталин являлся фактически военным руководителем на Северном Кавказе и в районе Царицына²¹.

Заметим к тому же, что «сценическая фамилия» Аметистова — Пунтинковский (Булгаков 2009б: 123) — «заимствована» у московского переулка, который в 1920-х годах пролегал от Тверской ул. до Петровки параллельно Страстному бульвару. В этом переулке (существовавшем, пока в 1937 г. не был снесен Страстной монастырь) стоял так называемый Дом Фамусова²², где с 1922 г. помещался Коммунистический университет трудящихся Востока²³ (КУТВ), который с 1923 г. носил имя И. В. Сталина. Таким образом, «псевдоним» Аметистова тоже косвенно указывает на вождя. Характерна и реплика Аметистова, адресованная Зое: «Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил бы в Нарым» (Булгаков 2009б: 141). В 1912 г. Сталин был приговорен к трехлетней ссылке в Нарымский край, но пробыл там чуть более месяца, после чего совершил побег (кстати, побегом Сталина из ссылки, но более ранней, завершается пьеса *Батум*).

Можно предполагать, что в период создания *Зойкиной квартиры* Булгаков имел некоторые связи с Баку²⁴: в 1924 г. его фельетоны печата-

---

Левон Шаумян ответил, что такое решение может принять только городской Совет рабочих депутатов. Собрали заседание Совета, на котором посланцы Сталина выступали с его восхвалениями. Однако рабочие депутаты стали выступать с речами о том, что Сталин фактически провалил оборону Царицына <...> Однако через некоторое время, когда Сталин вошел в полную силу, он снова прислал людей с этим поручением, и на этот раз переименование Царицына в Сталинград свершилось» (Шатуновская 2001: 394). Кстати, годом раньше Царицына, в апреле 1924 г. в честь генсека был переименован город Юзовка (ныне Донецк), который стал называться Сталино ((https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Донецка).

²¹ Прибыв в Царицын в начале июня 1918 г., Сталин вступил в конфликт с руководителем Северо-Кавказского военного округа, бывшим генерал-лейтенантом Генштаба А. Е. Снесаревым (которого поддерживал Л. Д. Троцкий) и даже арестовал его; в итоге Снесарева отозвали в Москву. Для нас существенно, что Снесарев был также известным востоковедом, в начале 1920-х годов являлся ректором Центрального института живых восточных языков, затем (до 1930 г., когда его арестовали) — Московского института востоковедения. Вероятно, по этой линии он был знаком со свойственниками писателя (шуринами его дяди, П. И. Булгакова) востоковедами А. М. и Д. М. Позднеевыми. Первый из них умер в 1920 г.; второй же с осени 1923 г. преподавал языки в Военной академии РККА (ныне Академия им. М. В. Фрунзе) в Москве, куда еженедельно ездил из Петрограда (https://ru.wikipedia.org/wiki/Позднеев,_Дмитрий_Матвеевич). Примечательно также, что летом 1916 г. Снесарев, будучи начальником штаба дивизии, участвовал в Брусиловском прорыве — в то время Булгаков служил врачом в прифронтовых госпиталях Черновиц и Каменца-Подольского.

²² См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дом_Фамусова. Через несколько лет после *Зойкиной квартиры* этот дом станет одним из прообразов дома Грибоедова в романе *Мастер и Маргарита* (Яблоков 2018: 168–170).

²³ Кстати, в КУТВ существовала китайская секция (отделение); при этом в Москве с 1925 г. работал еще отдельный Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК). Возможно, китайцы в *Зойкиной квартире* — своего рода пародия на слушателей этих заведений.

²⁴ Сам Булгаков, видимо, пробыл в Баку весьма недолго — судя по рассказу «Богема», в мае 1921 г. он ехал через этот город из Владикавказа в Тифлис (Булгаков 2008а:

лись в газете *Бакинский рабочий* (30 марта — «Бурнаковский племянник», 18 августа — «Три застенка»). Тамошние знакомые²⁵, возможно, сообщили ему «неофициальную» информацию об истории Коммуны, дополнив шую то, что излагалось в книге Чайкина.

Но бакинская тема могла заинтересовать Булгакова и по «московским» причинам. Как известно, в 1921–1924 гг. он жил в квартире 50, затем в квартире 34 дома 10 по Б. Садовой ул., где его соседями были люди, непосредственно вовлеченные в создание легенды о бакинских комиссарах, прежде всего — живший в квартире 38 художник Г. Б. Якулов, который в 1923 г. совместно с архитектором В. А. Щуко создал им памятник.

Якулов и его друзья-имажинисты вели богемный образ жизни; известны воспоминания соседа Булгакова по квартире 34 В. А. Лёвшина:

Студия Якулова пользовалась скандальной известностью. Здесь, если верить слухам, появлялись не только люди богемы, но и личности сомнительные <...> И все же большей частью у Якулова бывали люди по-настоящему яркие и одаренные. Это ведь здесь, в квартире 38, встретился Есенин с Айседорой Дункан. Отсюда же отправился он на Ленинградский вокзал в свое последнее трагическое путешествие. <...> Бешабашный стиль квартиры Якуловых, на мой взгляд, послужил не столько объектом, изображения (в комедии «Зойкина квартира». — Е. Я.), сколько отправной точкой для фантазии писателя²⁶ (Лёвшин 1988: 171, 179).

Именно Якулову посвящена написанная С. А. Есениным в 1924 г. в Баку *Баллада о двадцати шести*. Она была опубликована 22 сентября

---

461). Добавим, что первая известная на сегодняшний день публикация Булгакова, статья «Грядущие перспективы» в газете *Грозный* 26 ноября 1919 г., возможно, была откликом на помещенные в той же газете 18–19 октября 1919 г. фрагменты статьи И. Семенова «Перспективы большевизма», перепечатанные, как указано в редакционном примечании, из *бакинской правозероверской газеты Знамя труда*.

²⁵ Такими знакомыми могли быть, например, главный редактор *Бакинского рабочего* М. О. Лифшиц ([https://www.ourbaku.com/index.php/Лифшиц_\(Никольский\)_Михаил_Осипович_-_журналист](https://www.ourbaku.com/index.php/Лифшиц_(Никольский)_Михаил_Осипович_-_журналист)), а также П. И. Чагин, который в первой половине 1920-х годов являлся главным редактором газеты *Бакинская коммуна* и вместе с тем вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. В 1922 г. под совместной редакцией Лифшица и Чагина вышел мемориальный сборник, посвященный бакинским комиссарам (Памяти 1922), а к пятилетней годовщине их гибели газета *Бакинский рабочий* выпустила в качестве приложения небольшой альбом с портретами, рисунками и фотографиями на эту тему (Памяти 1923).

²⁶ По мнению первой жены Булгакова Татьяны Николаевны, прототипом Зои стала жена Якулова Н. Ю. Шифф: «Она некрасивая была, но сложена великолепно. Рыжая и вся в веснушках. Когда она шла или, там, на машине подъезжала, за ней всегда толпа мужчин. Она ходила голая... одевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее струя очень хороших духов. Просыпается: “Жорж, идите за водкой!” Выпивала стакан, и начинался день. Ну, у них всегда какие-то оргии, люди подозрительные, и вот, за ними наблюдали. <...> А потом она куда-то пропала, а Якулова арестовали» (Кисельгоф 1991: 103–104).

того же года в газете *Бакинский рабочий* (где месяцем раньше печатался один из булгаковских фельетонов)²⁷.

Вместе с тем отметим в *Зойкиной квартире* литературные аллюзии, которые, возможно, были призваны сыграть роль «маскировки» для аллюзий политических. Мотив «ошибочного» расстрела ассоциируется с приятелем Булгакова писателем Ю. Л. Слёзкиным²⁸: когда они в 1920 г. жили во Владикавказе, среди эмигрантов в Европе распространилась информация о гибели Слёзкина. В предисловии к берлинскому сборнику его произведений говорилось, что автор «казнен большевиками на Кавказе в 1920 г.» (Дроздов 1921: 3). Сам Слёзкин юмористически отозвался на это заметкой под заглавием «Я жив» (Слезкин 1922).

Кроме того, Булгакову, вероятно, была известна другая история «расстрела по ошибке» — связанная с одесским поэтом Анатолием *Фиолетовым* (настоящее имя — Натан Шор), в 1918 г. погибшим от рук бандитов, которые, возможно, спутали его с братом — Осипом Шором (Яворская 2017: 9–10). В то время в Одессе находились В. П. Катаев и Ю. К. Олеша (Катаев 1984: 168–169); в середине 1920-х годов они служили в *Гудке* вместе с Булгаковым и могли рассказать ему о судьбе А. Фиолетова. Не исключено, что в образе Аметистова отразились также черты Осипа Шора²⁹, который был известен как шутник и авантюрист³⁰ (притом с 1922 г. жил в Москве).

Кажется, логично ожидать сталинских аллюзий в драме *Кабала святош*, где одной из главных является тема «писатель и власть». В таком духе пьесу воспринимали в 1930-х годах, и соответствующая точка зрения, вероятно, была у самого Сталина. В представленной 29 февраля 1936 г. председателем Комитета по делам искусств П. М. Керженцевым справке для Политбюро ЦК ВКП(б) «О “Мольере” М. Булгакова (в Филиале МХАТа)» говорилось:

Несмотря на всю затушеванность намеков, политический смысл, который Булгаков вкладывает в свое произведение, достаточно ясен, хотя, может быть, большинство зрителей этих намеков и не заметят.

²⁷ В связи с упоминанием о Чагине отметим, что в последний период жизни Есенина Чагин был одним из самых близких поэту людей. Чагину посвящены стихотворение «Стансы» (1924) и сборник *Персидские мотивы* (1925); к тому же он написал предисловие к вышедшей в 1925 г. в Баку книге стихов Есенина *Русь советская*.

²⁸ «Те же города — Чернигов (с той же ответственной должностью), Ростов-на-Дону, Владикавказ, Москва. Те же плавные, если не сказать — профессиональные переходы от красных к белым и обратно» (Бурмистров 1999: 179–180). Кстати, вложенный в уста Аметистова рассказ о беспринципном «лабиринте» между враждующими сторонами (Булгаков 2009б: 119–120) мог быть чреват для его «прототипа» — Слёзкина — немалыми неприятностями.

²⁹ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шор,_Осип_Беньяминович

³⁰ В связи с «бывшими курами» примечателен случай (возможно, вымышленный), когда О. Шор выдал оципанную живьем курицу за экземпляр новой, «голой» породы, организовал фирму «Идеальная курица» и начал принимать «предзаказы» с предоплатой (<https://www.liveinternet.ru/users/3094518/post463108395/>).

Он хочет вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV (Власть и интеллигенция 1999: 299).

Керженцев предложил сделать так, чтобы руководство МХАТа само, без явного вмешательства «со стороны», сняло спектакль «Мольер» с репертуара, и Сталин с этим согласился, поставив на записке резолюцию: «Молотову. По-моему, т. Керженцев прав. Я за его предложение» (Документы 1996: 122).

Однако именно по причине слишком явного подобия между эпохой героя и эпохой автора в *Кабале святош*, по-видимому, нет «биографических» отсылок к Сталину. В письме к Правительству СССР от 28 марта 1930 г., написанном через несколько дней после первого запрещения этой пьесы, Булгаков заявил, что считает одной из главных задач защиту свободы слова (Булгаков 2011: 106), — *Кабала святош* (если ограничиваться политическими аспектами) обличала *систему* в целом.

На этом фоне сюжет комедии *Иван Васильевич* кажется водевильным, тем более что, по свидетельству третьей жены писателя, идея изначально не принадлежала Булгакову³¹. Характерно, однако, что реализованный в комедии прием «взаимообмена» персонажами и «явления» Ивана IV в советской реальности³² был намечен еще в ранней (конец 1920-х гг.) редакции булгаковского «романа о дьяволе» (Булгаков 2011: 109), где Иванушка (будущий Бездомный) в погоне за Воландом видит себя у храма Василия Блаженного:

...Учинился Иванушка на паперти. И сидел Иванушка, погромыхая веригами, а из храма выходил страшный грешный человек — исполуцарь, исполумонах³³. В трясущейся руке держал посох, острым концом его раздирал плиты. Били колокола. Таяло.

— Стыдные дела твои, царь, — сурово сказал ему Иванушка, — лют и бесчеловечен, пьешь губительные обещанные дьяволом чаши³⁴, вселукавый монах. Ну, а дай мне денежку, царь Иванушка, помолюся ужо за тебя.

³¹ Когда весной 1934 г. Булгаков читал пьесу *Блаженство* актерам и режиссерам Театра сатиры, те заговорили о «смешной пьесе с Иваном Грозным» (Булгакова 1990: 56). 17 сентября 1934 г. состоялся разговор с режиссером Н. М. Горчаковым: «Сатира просит М. А. из «Блаженства» сделать комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве» (Там же: 71–72). Возможно, одним из стимулов явилось то, что в 1934 г. во МХАТе Втором была осуществлена новая сценическая редакция спектакля «Смерть Иоанна Грозного» по трагедии (1866) А. К. Толстого (МХАТ Второй 2010: 125–126) — реминисценции из нее есть в *Иване Васильевиче*.

³² Такой мотив присутствует и в *Блаженстве*, но здесь Бунша с Милославским оказываются не в прошлом, а в будущем, царь же лишь проводит некоторое время на московском чердаке.

³³ Ср. затем в *Блаженстве* реплику Иоанна «исполу емь чернец» (Булгаков 2010: 128); цитата из послания (1573) Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь: «И мне мнится окаянному, яко исполу емь чернец» (Послания 1951: 164).

³⁴ В *Иване Васильевиче* Грозный упрекает Якина: «Вместо святого поста и воздержания — блуд и пьянство губительное со обещанными дьяволам чашами!..» (Бул-

Отвечал ему царь, заплакавши:

— Почто пужаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка ве-
рижник, Божий человек, помолись за меня!

И звякнули медяки в деревянной чашке.

(Булгаков 2014: 90)

Несмотря на «подходящее» для Ивана IV место встречи (храм, построенный по его приказанию) и связанные с ним реминисценции³⁵, сцена комично варьирует диалог из трагедии А. С. Пушкина *Борис Годунов*³⁶ (1825) (Пушкин 1995: 78), хотя в ней Иван Грозный существует разве что на правах гамлетовского Призрака — Самозванец говорит: «Тень Грозного меня усыновила, / Димитрием из гроба нарекла» (Пушкин 1995: 64). Такой же анахронизм видим в комедии *Иван Васильевич*, где Якин сообщает, что режиссеру Косому для картины «Борис Годунов»³⁷ недостает актера на роль Грозного — которого в подобном фильме вроде бы не должно быть, судя по тому, что «Бориса объявляют царем» (Булгаков 2010: 151).

Но тема Ивана Грозного³⁸ первоначально возникла у Булгакова не в черновиках *Мастера и Маргариты*, а в более ранних произведениях. Сперва (например, в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», романе *Белая гвардия*) она реализовалась через ассоциации с *опричной*³⁹, «знаком» которых является амбивалентный образ рыжего пса/

гаков 2010: 155). Цитируется *История о великом князе Московском* (1573) А. М. Курбского, который, повествуя об убийстве Иваном IV князя Михаила Репнина, упрекавшего его в недостойном поведении, пишет о царе: «Начал пити с некоторыми любимыми ласкатели своими оными предреченным великими, обещанными диаволу чашами» (Курбский 1986: 328).

³⁵ Иванушка «отождествляет» Пилата с Варлаамом Собакиным (Булгаков 2014: 89), дядей третьей жены Грозного Марфы, о которой идет речь в пьесе Л. А. Мея *Царская невеста* (1849) и одноименной опере (1899) Н. А. Римского-Корсакова.

³⁶ Реминисценции из нее явственны и в *Зойкиной квартире*, где Борис Гусь — трагедия Бориса Годунова: показательны звучащие в финальном монологе Гуся реминисценции из пушкинской трагедии (Яблоков 2018: 97).

³⁷ Намек на В. Э. Мейерхольда, который всю жизнь тщетно мечтал о постановке *Бориса Годунова*. В 1911 г. он в Мариинском театре корректировал одноименную оперу (1869) М. И. Мусоргского с Ф. И. Шаляпиным в главной роли. Затем дважды, в 1925–1926 гг. (Студия им. Вахтангова) и в 1935–1936 гг. (ГосТИМ), намеревался поставить трагедию, но оба раза замысел не был реализован. К тому же в середине 1930-х годов Мейерхольд хотел, параллельно с драматическим спектаклем, осуществить постановку оперы Мусоргского в ленинградском Малом оперном театре. Подробнее о мейерхольдовских аллюзиях у Булгакова: (Яблоков 2014: 256–259).

³⁸ В порядке каламбура заметим, что первая булгаковская публикация увидела свет осенью 1919 г. в газете «Грозный» и ее автор в это время находился в городе Грозном (Кисельгоф 1991: 73–77).

³⁹ В связи с нашей темой напомним сталинский тезис в наброске брошюры *О политической стратегии и тактике русских коммунистов* (1921): «Компартия как своего рода *орден меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (Сталин 1947: 71). Булгаков, конечно, не мог быть знаком с этим текстом, но возникновение аналогий между большевистской партией и опричиной вполне закономерно.

рыжебородого дворника⁴⁰, намекающего на эмблему опричников — собачью голову и метлу (Яблоков 2001: 48–50). В *Собачьем сердце* данный тип представлен в виде бывшего «пса-дворника», превратившегося в «заведующего подотделом очистки города Москвы от бродячих животных» (Булгаков 2008б: 251) и в этой роли «чистильщика» сочетающего функции дворника и профессионального убийцы («котов душили, душили» [Там же: 251]).

В середине 1920-х годов в булгаковских текстах появляются и упоминания о «грозном» царе⁴¹. Уже в *Зойкиной квартире* одно из действующих лиц именуется Мертвым телом Ивана Васильевича⁴² (Булгаков 2009б: 98) — сопоставим пушкинскую «тень Грозного»⁴³; при этом «растрелянный» Аметистов в образе Путинковского носит инвертированное имя Василий Иванович (Там же: 123). Два «живо-мертвых» персонажа — как бы антидвойники; это зачаток типажной «пары», которая воплотится в пьесе *Блаженство* и комедии *Иван Васильевич*, где царскому «близнецу», охарактеризованному как «старый рамолик, князь-развалина» (Булгаков 2010: 179), сопутствует «артистичный» (недаром в *Блаженстве* Милославскому дана кличка Солист [Там же: 77]) уголовник. В комедии *Багровый остров* Метелкин распоряжается: «Володя! Возьмешь из задника у “Иоанна Грозного” кусок, выкроишь из него заплату в “Марию Стюарт”!.. Не пойдет “Иоанн Грозный”⁴⁴... Запретили... Значит, есть

⁴⁰ В романе *Мастер и Маргарита* в эпизоде бала многочисленные лица гостей в восприятии уставшей Маргариты как бы «слепляются» в одно лицо Малюты Скуратова, «окаймленное действительно огненной бородой» (Булгаков 2007: 328).

⁴¹ Инициалы Ивана IV одинаковы с инициалами Сталина; совпадение, разумеется случайно, однако вряд ли прошло незамеченным для Булгакова — сопоставим повесть *Роковые яйца*, где профессору Персикову дано имя Владимир Ипатьевич (Булгаков 2008б: 54), явно отсылающее (наряду с другими «знаками») к Ленину. Характерно, кстати, что инициалы Ленина и Сталина «зеркально» тождественны: В. И./И. В.

⁴² Сексуальная озабоченность Мертвого тела, сперва «покушающегося» на манекены (Булгаков 2009б: 171), а в финале доходящего до гомосексуальных притязаний и идеи коллективного «тарарама» (Там же: 189), читается как намек на соответствующие эксцессы Ивана IV (Яблоков 2018: 99–100).

⁴³ Показательно, что в *Иване Васильевиче* присутствующий царь объявляется буквально мертвым:

«Я к и н. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

И о а н н. Кто умер?

Я к и н. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер...» (Булгаков 2010: 154–155).

⁴⁴ Осенью 1927 г., накануне 10-летнего юбилея Октябрьской революции, состоялась премьера спектакля «Смерть Иоанна Грозного» во Втором МХАТе. Судя по рецензии (хотя и явно тенденциозной) критика В. И. Блюма, заведовавшего театрално-музыкальной секцией Главреперткома и являвшегося одним из главных гонителей Булгакова (Блюм считается прототипом Саввы Лукича в *Багровом острове*), в спектакле содержались намеки на политическую ситуацию в СССР: «На сцену вбегает бешеная свора каких-то звероподобных калибанов, с собачьей хваткой вцепившихся друг другу в глотки, животным рыком оглашающих деформированные своды фантастически орнаментированного покоя и “облаченных” в странно деформированные и раскрашенные одеяния. И такими бояре в постановке выдержаны подчеркнута и до конца. Таким же по-

за что... Какое тебе дело?..» (Булгаков 2008б: 194–195). Здесь не место углубляться в содержание *Багрового острова*, но логично предположить, что в свете приведенной фразы халтурная пьеса Дымогацкого — и комедия в целом — неким образом связана с трагедиями А. К. Толстого и Ф. Шиллера. В *Беге* Хлудов в разговоре с Главкомандующим издевательски цитирует адресованную Грозному реплику Курбского из баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1858): «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лях и лях...»⁴⁵ (Булгаков 2008б: 331; Толстой 1963: 229–230; ср.: Переписка 1979: 8). Как видим, в булгаковских пьесах 1920-х годов ассоциации с Иваном IV вполне устойчивы. Характерно, что в *Записках покойника* имя царя получит один из руководителей Независимого театра.

Продолжая эту тему в *Блаженстве* и *Иване Васильевиче*, Булгаков соединил ее с восходящей к *Собачьему сердцу* коллизией «пса-дворника»/«пса-дворянина» и мотивом «бывшего графа» из *Зойкиной квартиры*. «Трансформационный» дискурс обрел форму классово-имитационной мимикрии. В отличие от Шарика, пытавшегося «облагородить» свою родословную применительно к новым обстоятельствам, и Обольянинова, стремившегося в новых условиях «отстоять» свой титул, Бунша-Корецкий в варианте *Блаженства*⁴⁶ отрекается от предков (по словам Рейна, он «не то князь, не то сын кучера»⁴⁷ [Булгаков 2010: 81]), а в варианте *Ивана Васильевича* готов быть тем или другим в зависимости от социальной конъюнктуры:

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и, таким образом, очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

(Там же: 137)

Бунша (*Дьяку*). Вы что на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся! <...> Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. (*Царице*.) Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал.

(Там же: 176)

казан и достойный вождь их — насквозь прогнивший сифилитик (!) — бешеный царь Иван Грозный» (Блюм 1927).

⁴⁵ Можно предположить, что к этой балладе восходит и булгаковское заглавие *Бег*. Ее текст начинается словами: «Князь Курбский от царского гнева бежал, / С ним Васька Шибанов, стремянный» (Толстой 1963: 227). В данном случае «бежал» значит «убегал»; соответственно, бег — не просто быстрое движение, но и *бегство*.

⁴⁶ Кстати, здесь у Бунши есть и имя — Святослав Владимирович: Булгаков назвал его, как древлянского князя начала XI в., убитого по приказу его брата Святополка, подобно братьям Борису и Глебу.

⁴⁷ Отметим, что сыном кучера был тесть Сталина С. Я. Аллилуев (правда, с ним не связаны никакие слухи о возможной примеси «аристократической» крови).

Князь, прикидывающийся плебеем, но волею случая вознесенный на вершину власти и сумевший некоторое время «усидеть» на троне с помощью умного уголовника, — такая мотивная конфигурация, при всей водевильности сюжета, была вовсе не «безобидной».

Тема Ивана IV в комедии вводится цитатой из баллады А. К. Толстого «Князь Михайло Редин» (1840-е гг.): «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой... <...> Да здравствуют тиуны, опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи...» (Там же: 135–136). По этим строкам и по реакции Милославского — «Славное стихотворение! Красивое стихотворение!..» — кажется, что речь идет о «легком» сюжете; однако в балладе повествуется о человеке, который обличил опричнину перед царем, растоптал шутовскую «машкару» и за это был убит Грозным, так что «неустанный» пир оказался кровавым (Толстой 1963: 232–233).

Вместе с тем через «посредство» баллады реализуется прием «подставного» прототипа. Цитата из текста А. К. Толстого намекает на «другого» Алексея Толстого⁴⁸ — Николаевича, который в начале 1930-х годов, подобно «тезке», обрел статус исторического писателя⁴⁹. При этом уже с середины 1920-х годов А. Н. Толстой воспринимался как «образец» шкурной беспринципности. Показательна его характеристика в письме Булгакова к Слѣзкину от 31 августа 1923 г.: «*Трудовой граф* чувствует себя хорошо, толсто и денежно» (Булгаков 2011: 47).

Такого же рода запись в булгаковском дневнике 23/24 декабря 1924 г., где соседствуют две истории, рассказанные И. М. Василевским (предыдущим мужем Л. Е. Белозерской, второй жены Булгакова), — сперва о реплике А. Н. Толстого «Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов», затем о Демьяне Бедном, который, выступая перед красноармейцами, провозгласил: «Моя мать была блядь» (Булгаков 2008б: 448); характерно соположение мотивов социального приспособленчества и «биологической» незаконнорожденности. Подобно намекам на Слѣзкина, Фиолетова, Микояна в связи с *Зойкиной квартирой*, ал-

⁴⁸ Сопоставим образ Жоржа Милославского, отсылающий к эпизоду *Ревизора*, где Хлестаков объявляет себя автором «другого Юрия Милославского» (Гоголь 1951: 49).

⁴⁹ Интерес Булгакова к А. Н. Толстому в начале 1930-х годов, помимо романа *Пейр I* (кн. 1 — 1930; в том же году инсценировка была поставлена во МХАТе Втором), мог стимулироваться различными факторами. Осенью 1933 г. Толстой взялся за переработку вышедшего в 1924 г. под его редакцией перевода (сделанного Н. И. Петровской) книги К. Коллоди *Приключения Пиноккио* (1881). В итоге была написана сказка *Золотой ключик, или Приключения Буратино* (1935) — характерно, что в пьесе *Блаженство* машина времени приводится в действие буквально *золотым ключиком* (Булгаков 2010: 86, 112; подробнее: Яблоков 2014: 253). Кроме того, в конце 1933 г. состоялось знакомство 22-летней дочери Толстого Марианны с 44-летним генералом Е. А. Шиловским — судя по всему, их отношениям способствовала бывшая жена генерала Елена Сергеевна, которая с 1932 г. стала Булгаковой (в 1936 г. Е. А. Шиловский и М. А. Толстая поженятся, вследствие чего Булгаков с Толстым условно «поряднятся»).

люзии к А. Н. Толстому в *Иване Васильевиче* маскируют сталинский дискурс⁵⁰.

Нельзя не учитывать, что, выстраивая «параллель» между Сталиным и Иваном IV, Булгаков пародировал уже обозначившийся «социальный заказ». В 1933 г. вышел том *Большой советской энциклопедии* со статьей М. В. Нечкиной «Иван IV», где его эпоха характеризовалась как период «резкого обострения классово-борьбы» (Нечкина 1933: 326) — в духе выдвинутого Сталиным на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. тезиса о том, что по мере продвижения к социализму «сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» (Сталин 1949: 171). Спекуляция неудивительна — Нечкина была ученицей М. Н. Покровского⁵¹, открыто проводившего принцип политической целесообразности в историографии; характерен его тезис: «История — политика, опрокинутая в прошлое» (Покровский 1928: 6).

В *Иване Васильевиче* использована сюжетная модель романа Марка Твена *Принц и нищий*⁵² (1881), где уличный мальчишка Том Кенти⁵³ меняется местами с принцем Уэльским, затем королем Эдуардом Тюдором⁵⁴ (Лурье 1990: 611). Но в булгаковской комедии Иван IV «эквивалентен»

⁵⁰ Впрочем, в булгаковских произведениях 1930-х годов негативная оценка распространяется на советское общество в целом — вспомним, например, роман *Мастер и Маргарита*. В *Иване Васильевиче* показательна «утренняя лекция свиновода» (Булгаков 2010: 131, 145), которая в (несостоявшейся) постановке Театра сатиры была заменена трансляцией «Псковитянки» (Булгаков 1994: 404–405) — в 1932 г. эту оперу (1873) Н. А. Римского-Корсакова по одноименной пьесе (1859) Л. А. Мея поставили в Большом театре.

⁵¹ По поводу совершенного Иваном IV 3 декабря 1564 г. переворота и введения опричнины Покровский писал, что «речь шла об установлении нового *классового* режима, для которого личная власть царя была лишь орудием» (Покровский 1922: 248; курсив автора).

⁵² Оба сюжета связаны примерно с одним и тем же периодом: у Марка Твена действие протекает в 1547 г. (последний год царствования Генриха VIII), а древнерусские эпизоды булгаковской комедии относятся условно к 1571 г. — одним из «знаков» является имя царицы, Марфа Васильевна (Булгаков 2010: 175), намекающее на Собакину, которая была женой Ивана IV всего пятнадцать дней 1571 года (Лурье 1994: 613).

⁵³ Заметим, что в *Принце и нищем* оба «близнеца» психологически контрастируют с породившей их средой, а тем более с обстановкой, в которую попадают вследствие «обмена»: как Тома, так и Эдуарда принимают за сумасшедших. При этом оказавшийся королем любознательный и мечтательный Том Кенти происходит из уголовного мира; его отец — пьяница и вор, который часто бьет жену и сына (Марк Твен 1960: 443). Сравним детство Сталина — сына сапожника, ставшего во главе огромной страны: «Он рассказывал иногда, как она (мать. — Е. Я.) колотила его, когда он был маленьким, как колотила и его отца, любившего выпить» (Аллилуева 1990: 121). Впрочем, Виссарион Джугашвили тоже нередко избивал жену и сына (Радзинский 2006: 30; Монтефиоре 2014: 64). Подобным образом вел себя и сам Сталин по отношению к сыновьям как от первого брака, так и от второго (Шатуновская 2001: 396).

⁵⁴ В отличие от *Принца и нищего*, в булгаковских пьесах речь идет о «физическом» переносе — несомненно связь с романом Г. Уэллса *Машина времени* (1895); кстати, летом 1934 г. Уэллс посещал СССР (к тому времени пьеса *Блаженство* уже была написана). Об уэллсовских мотивах у Булгакова: (Булгаков 2008б: 486–487, 498–500, 506, 511–513, 516–517; Булгаков 2009: 608).

тен» не одному Бунше (хотя они и выглядят, так сказать, «астральными близнецами»); функционально царя «замещают» два персонажа: управдом и вор (по-своему воспроизводящих пару Швондер — Шариков, в котором «воскрес» неоднократно судимый за кражи [Булгаков 2008б: 208] Чугункин).

Вариацию мотивной структуры повести *Собачье сердце* и образа ее «многосоставного» героя⁵⁵ видим в пьесе *Батум*. Следует подчеркнуть, что в Шарикове сочетаются признаки «собачьи» (пес Шарик) и «волчьи» (уголовник⁵⁶ Чугункин), причем последние доминируют. Характерно, что запертому в ванной перед операцией псу «померещились отвратительные волчьи глаза» (Булгаков 2008б: 191) — возникает образ будущего Шарикова. Отметим и каламбурное заглавие, где эпитет «собачье» означает не принадлежность к конкретному зоологическому виду, а сердце «самое паршивое из всех, которые существуют в природе» (Там же: 247) — то есть «нечеловечески», inferнально чудовищное (Яблоков 2014: 12–13). С учетом мифологического подтекста (реминисценции из *Деяний апостолов*, гётевского *Фауста* и пр.) сюжет интерпретируется как явление «ликантропа», способного лишь сеять смерть (Яблоков 2001: 345–349). В этой связи весьма примечательно, что *Батум* открывается не просто «анафематствованием» (Булгаков 2010: 247) и исключением героя из семинарии (буквально отпадением от Бога), но фиксацией иной «видовой» принадлежности — вручением *волчьего билета*:

Инспектор. Получите билет и распишитесь.

Сталин. Он называется волчий, если я не ошибаюсь?⁵⁷

Инспектор. Оставьте ваши выходки, пишите имя и фамилию.

*Сталин расписывается и получает билет*⁵⁸.

(Там же: 248).

Завершается же пьеса неожиданным возвращением героя, которого считали погибшим (Там же: 318) и при появлении не узнали, называя

⁵⁵ В *Батуме* коллизия «раздвоения» героя намечена уже через его именование. В афише пьесы он назван Сталиным, так же обозначается перед репликами и в ремарках; с точки зрения художественного времени это как бы ретроспективный взгляд, поскольку псевдоним «Сталин» возник *позже* событий, описанных в пьесе. Однако «внутри» сюжета, в репликах персонажей герой именуется «Джугашвили», «Иосиф», «Иосиф Виссарионович», «Сосо», а также «Пастырь».

⁵⁶ Волк — одно из традиционных именовании преступника. Изначально «волчий билет» — полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрывается» (Даль 1903: 570).

⁵⁷ Ср. каламбурную вариацию фразеологизма в повести *Собачье сердце*: «...пес вытащил самый главный *собачий билет*» (Булгаков 2008б: 184).

⁵⁸ Здесь видим пародийную реминисценцию из известнейшего эпизода романа *Братья Карамазовы* (1880), где Иван говорит: «...Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. <...> Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (Достоевский 1976: 223). Для булгаковского Сталина путь к «гармонии» начинается, фигурально говоря, с обмена «божьего» знака на «сатанинский».

«чужим» (Там же: 319). Характерно, что «воскресший» Сталин предстает «в солдатской шинели и фуражке» (Там же: 320). В аспекте начального эпизода этот растиражированный сталинский «имидж» 1930-х годов⁵⁹ неизбежно интерпретируется как «волчий» — перед нами «антихрист, притворившийся Христом» (Смелянский 1994: 22), так что определение пьесы как «сервильной» (Сарнов 2009: 588) имеет мало общего с ее подлинным смыслом. Тот факт, что Булгаков писал *Батум* с расчетом на постановку к 60-летию юбилею Сталина, не меняет дела. Конечно, маловероятно, чтобы драматург сознательно стремился создать «диссидентское» произведение; «трансформационный» сюжет и амбивалентный образ героя возникли естественным образом — как продолжение цепи сталинских аллюзий, которые, как мы могли убедиться, устойчиво сопряжены для Булгакова с мотивом *двуличия* в разных смыслах.

Показательно и то, что следующим после получения «волчьего билета» поступком Сосо в пьесе является *провокация* в отношении Одноклассника: Сталин просит его передать некоему Арчилу «письмо», которое оказывается прокламацией. Одноклассник наотрез отказывается, и Сталину приходится его уговаривать, используя лесть, — когда же тот с трудом соглашается, Сталин сообщает, что заранее договорился с Арчилом передать прокламацию именно через Одноклассника⁶⁰ (Булгаков 2010: 250–251): «экспромт» оказывается сыгранным.

Анализ всех эпизодов *Батума*, в которых проявляется амбивалентность героя, занял бы много места. Однако необходимо отметить, что

⁵⁹ Ср. дневниковую запись Е. С. Булгаковой 7 ноября 1935 г.: «Проводила М. А. утром на демонстрацию. Потом рассказывал — видел Сталина на трибуне, в серой шинели, в фуражке» (Булгакова 1990: 108). Через три месяца, 6 февраля 1936 г., — на следующий день после генеральной репетиции мхатовского спектакля «Мольер» — следует запись: «М. А. окончательно решил писать пьесу о Сталине» (Там же: 112). Существует беспрестанно тиражируемое мнение, что *Батум* создан якобы под «влиянием» самой Елены Сергеевны, которая, являясь агентессой НКВД, осуществляла чекистскую операцию в рамках собственной семьи (Чудакова 1998: 607), то есть, видимо, стремилась направить творчество мужа в «нужном» направлении. Не вдаваясь в суть не подкрепленной фактами и аморальной «версии», подчеркнем, что Булгаков вовсе не нуждался в «стимулировании» интереса к Сталину: мы могли убедиться, что этот (специфический) интерес возник с начала 1920-х гг. — в ранний период булгаковского творчества, совпавший с выдвиганием нового вождя. К тому же существенно, что образ Батума имел важное *личное* значение для писателя — «сталинский» сюжет в пьесе совмещен с автобиографическими аллюзиями (см. ниже).

⁶⁰ Вероятно, варьируется эпизод времен учебы Иосифа Джугашвили в семинарии: «Он попытался убедить семинаристов бросить учебу и заняться революционной деятельностью, но они отказались, мотивируя это тем, что родители лишат их финансовой поддержки. Тогда Коба решил отомстить за “своеволие”. Он пронес в общежитие нелегальные листовки, спрятав их под подушками и матрацами воспитанников и донес на однокашников ректору семинарии отцу Гермогену. <...> Откуда-то стало известно, что эти листовки подложил Коба и что он же донес ректору. Родители засыпали Гермогена просьбами принять обратно их сыновей, которые оказались невольными жертвами провокации Иосифа Джугашвили. Сам Иосиф этого обвинения не отрицал, заявив исключенным однокашникам, что хотел предоставить им шанс стать “хорошими революционерами”» (Бракман 2004: 13–14).

«оборотничество» здесь имеет не только метафорический характер. В последней сцене Порфирий предрекает, что в Сибири Сосо не выживет, поскольку у него «слабая грудь» (Там же: 318). Но возвратившийся герой сообщает, что теперь у него «совершенно здоровая грудь и кашель прекратился» (Там же: 321), поскольку во время побега он провалился в прорубь, после чего в «обледеневшем» виде прошел пять верст до ближайшего жилья, где его отогрели; происшествие изменило его «природу»: «...с тех пор ни разу не кашлянул. Какой-то граничащий с чудом случай...» (Там же: 322). Мотив приобщения к ледяной стихии подкрепляет inferнальные коннотации⁶¹. Вместе с тем чудесное «перерождение» героя намекает на «двузначность» его побега:

Хотел Булгаков того или нет, но в фокусе его пьесы оказалась одна из самых загадочных и непроясненных страниц биографии молодого Сталина. Из кутаисской тюрьмы в ссылку уходит в последнем действии один человек, а в эпилоге появляется уже другой, и никто не может точно сказать, какой моральной ценой оплачено его возвращение.

(Нинов 1994: 665)

В изданной под редакцией Л. П. Берии книге *Батумская демонстрация 1902 года* (1937), использовавшей писателем при работе над пьесой, содержатся воспоминания о батумских событиях, которые можно интерпретировать в том смысле, что «Сталин сначала спровоцировал “царских палачей” на убийство 14 человек рабочих, ради освобождения арестованных, которых все равно чуть ли не в тот же день должны были освободить, затем был арестован и сослан, но из ссылки бежал с “фальшивым” удостоверением агента Охранного отделения. Проще, однако, предположить, что удостоверение не было фальшивым и что Сталин мог сотрудничать с Охранным отделением на Кавказе уже с 1902 года»⁶² (*Был ли* 1999: 6; см. также с. 223, 286–287, 385–386; Бракман 2004: 24–25).

Более чем за десять лет до *Батума* образ «перекрасившегося» провокатора возник в комедии *Багровый остров*. По аналогии с одноименным *фельетоном* считается, что «проходимец» (Булгаков 2008б: 192) Кири-Куки — пародия на А. Ф. Керенского (показательно, например, сходство имен). Но образы Кири-Куки в фельетоне и комедии *Багровый остров* не одинаковы — во втором случае Керенский может считаться лишь «подставным» прототипом. «Статус» провокатора, оказавшегося во главе революционного народа, куда больше «подходит» другому политическому деятелю. Характерен монолог Кая:

⁶¹ Вспомним, например, дантовский *Аг*, где Люцифер изображен вмерзшим в ледяное озеро Коцит (Данте 1939: 193–194).

⁶² Характерно, что строки книги *Батумская демонстрация*, где говорится о беге Сталина со сфабрикованным удостоверением секретного агента, Булгаков жирно обвел красным и синим карандашом (Булгаков 1990а: 269).

А вы, ослепленные, темные люди! Кого же вы избрали себе в правители? <...> Кого?! Прохвоста, которого мир еще не видел со дня основания его великими богами. Провокатора, подлеца и проходимца! <...> Он царский Сизин жандарм!

(Там же: 233)

При всей бурлескности туземного антуража аналогии с российской историей здесь вполне отчетливы.

Согласно распространенной версии, летом 1926 г., незадолго до премьеры *Зойкиной квартиры* и как раз в период создания *Багрового острова* (он завершен весной 1927 г.) была обнаружена агентурная папка с документами, доказывавшими связи вождя с охранкой. При этом «сообщение об обнаруженной папке Сталина, полученное журналом “Социалистический вестник” в Берлине, совпало по времени со странными обстоятельствами смерти Феликса Дзержинского» (Бракман 2004: 234). Как информировала в начале 1931 г. парижская газета *Дни*, в Москве циркулируют слухи, «что Феликс Дзержинский, основатель ЧК, перед самой смертью получил в свое распоряжение документы, доказывавшие, что Сталин был шпионом охранки» (Островский 2004: 17). Разумеется, эти (как и многие другие) слухи могли не соответствовать действительности; для нас важно, что Булгаков так или иначе откликнулся на них в своих произведениях, акцентируя в образе Сталина черты «инфернальной» неопределенности⁶³ и изменчивости.

Возвращаясь к «трансформационному» дискурсу, отметим в качестве заключения, что в последней завершенной булгаковской пьесе выбор «батумской» темы был, по-видимому, обусловлен тем, что она имела отношение не только к биографии Сталина, но и к биографии самого писателя. Слово, вынесенное в заглавие, обозначает здесь не просто место, но и *время* действия, становясь зна́ком определенного исторического периода; тем самым подчеркнута рубежное, судьбоносное значение, которое имел в жизни героя (а стало быть, и всей страны) батумский эпизод, приведший к явлению «серой» (в разных смыслах) фигуры Сталина. Но Булгаков не мог не помнить, что «батумский эпизод» был и в его собственной биографии, причем кардинально повлиял на дальнейшую жизнь. Именно из Батума Булгаков летом 1921 г. намеревался покинуть

⁶³ Ср. эпизод *Батума*, где жандармский полковник Трейниц докладывает кутаисскому генерал-губернатору о своей переписке с батумской полицией по поводу Джугашвили: «...телеграфирую: “Сообщите впечатление, которое производит его наружность”. Ответ: “*Наружность упомянутого лица никакого впечатления не производит...*» Такая «безликость» корреспондирует с «трансформационными» способностями героя. При этом обращает на себя внимание реакция Губернатора, подспудно намекающая на «истинный» образ Джугашвили: «Я не понимаю, что нужно для того, чтобы, ну, скажем, я произвел на них впечатление? Неужели же нужно, чтобы у меня *из ноздрей хлестало пламя?*» (Булгаков 2010: 272); при всем комизме реплики возникает ассоциация с былинным змеем (Левкиевская 1999: 330).

Россию, однако не сделал этого — то ли из-за «технической» невозможности уехать (намек на это есть в *Записках на манжетах* [Булгаков 2008а: 430–431]), то ли осознанно отказавшись от эмиграции. Спустя примерно десять лет, 18 апреля 1930 г. писатель оказался перед таким же выбором — который был предложен никем иным как Сталиным и вновь (независимо от конкретных причин) был сделан Булгаковым «в пользу» родины. В обоих случаях «неэмиграция» повлекла за собой необходимость внутренне «трансформироваться», вживаясь — насколько это было возможно — в образ советского писателя⁶⁴. Можно заключить, что в последней завершённой булгаковской пьесе Батум в качестве «пространственно-временного» символа обозначил исходный пункт трансформации как героя, так и автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллилуева Светлана. *Двадцать писем к грузу*. М.: Известия, 1990.
- Бибинейшвили Барон. *Камо*. М.: Старый большевик, 1934.
- Блюм Владимир. «Смерть Иоанна Грозного в МХАТ-2». *Вечерняя Москва*. 19. 09. 1927.
- Бракман Роберт. *Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь*. М.: Издательство «Весь Мир»; Издательство «Ювента», 2004.
- Булгаков Михаил. «Батум». *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина*. Вып. 48. М.: Издательство «Книжная палата», 1990.
- Булгаков Михаил. *Пьесы 1920-х годов*. Л.: Искусство, 1990.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 7. М.: АСТ — Астрель, 2007.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: АСТ — Астрель, 2008.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 2. М.: АСТ — Астрель, 2008.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 3. М.: АСТ — Астрель, 2009.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 4. М.: АСТ — Астрель, 2009.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 6. М.: АСТ — Астрель, 2010.
- Булгаков Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 8. М.: Восток — Запад, 2011.
- Булгакова Елена. *Дневник*. М.: Издательство «Книжная палата», 1990.
- Бурмистров Александр. «Неизвестный Михаил Булгаков». *Михаил Булгаков на исходе XX века*. СПб.: РИИИ; Санкт-Петербургское Булгаковское общество, 1999.
- Был ли Сталин агентом Охранки?* М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.
- Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953*. М.: МФД, 1999.
- Воронов Владимир. «Смерть Камо: хотел заняться мемуарами». *Совершенно секретно*. 06. 07. 2016 — URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/smert-kamo-khotel-zanyatsya-memuarami/>
- Воронович Николай. *Русско-японская война. Воспоминания*. 1952 — URL: <http://gjar1904.ucoz.ru/VoronovM.doc>
- Гоголь Николай. *Полное собрание сочинений*. Т. 4. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951.
- Даль Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. СПб.; М.: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1903.
- Данте Алигьери. *Божественная комедия. Аг*. Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939.

⁶⁴ В этой связи стоит подчеркнуть, что образ «волка» в булгаковских произведениях связан в том числе с автобиографическими аллюзиями (Яблоков 2001: 357–361).

- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
- Дроздов Александр. «О Юрии Слезкине». Юрий Слезкин (авт.). *Чемодан*. Берлин: Мысль, 1921.
- Золотоносов Михаил. *Слово и тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков*. М.: Ладомир, 1999.
- Икрамов Камил. *Дело моего отца*. М.: Советский писатель, 1991.
- Иоффе Соломон. «Тайнопись в Собачьем сердце». *Новый журнал* 168–169 (1987).
- Как погибли 26 бакинских комиссаров и не погиб 27-й. *Новое время*. 17. 09. 2018 — URL: <http://nv.am/kak-pogibli-26-bakinskih-komissarov-i-ne-pogib-27-j/>
- Катаев Валентин. *Собрание сочинений*. Т. 7. М.: Художественная литература, 1984.
- Кахиани Михаил. «Героический подвиг». *Памяти 26. Материалы к истории Бакинской коммуны 1918 года*. Баку: Государственная типография № 4, 1922.
- Кисельгоф Татьяна. «Из семейной хроники Михаила Булгакова». Леонид Паршин (авт.). *Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова*. М.: Издательство «Книжная палата», 1991.
- Курбский Андрей. «История о великом князе Московском». *Памятники литературы Древней Руси*. Вып. 8. М.: Художественная литература, 1986.
- Левкиевская Елена. «Змей летающий». *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999.
- Левшин Владимир. «Садовая, 302-бис». *Воспоминания о Михаиле Булгакове*. М.: Советский писатель, 1988.
- Лурье Яков. «Иван Васильевич [Примечания]». Михаил Булгаков (авт.). *Пьесы 1930-х годов*. СПб.: Искусство, 1994.
- Марк Твен. *Собрание сочинений*. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
- Медведев Рой. *Они окружали Сталина*. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1984.
- МХАТ Второй: Опыт восстановления биографии*. М.: Издательство «Московский Художественный театр», 2010.
- Нечкина Милица. «Иван IV». *Большая советская энциклопедия*. Т. 27. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1933.
- Нинов Александр. «Батум». Михаил Булгаков (авт.). *Пьесы 1930-х годов*. СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
- Островский Александр. *Кто стоял за спиной Сталина?* М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.
- Памяти «26». Материалы к истории Бакинской коммуны 1918 года*. Баку: Государственная типография № 4, 1922.
- Памяти 26. Иллюстрированное приложение к № 212 (940) газеты «Бакинский рабочий»*. Баку: Бакинский рабочий, 1923.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. Л.: Наука, 1979.
- Покровский Михаил. *Русская история с древнейших времен*. Т. 1. 4-е изд. М.: Государственное издательство, 1922.
- Покровский Михаил. «Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.» *Вестник Коммунистической академии XXVI/2* (1928).
- «Положение его действительно безысходное»: Документы о пьесах М. А. Булгакова. *Источник* 5 (1996).
- Послания Ивана Грозного*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951.
- Пушкин Александр. *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.: Воскресенье, 1995.
- Радзинский Эдвард. *Сталин*. М.: АСТ, 2006.
- Сарнов Бенедикт. *Сталин и писатели*. Кн. 2. М.: Эксмо, 2009.
- Себаг-Монтефиоре Саймон. *Молодой Сталин*. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Сенников Борис. *Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестянивание России 1929–1933 гг.* М.: Посев, 2004 — URL: https://www.rummuseum.ru/lib_s/senn00.php

- Слезкин Юрий. «Я жив (Вместо предисловия — несколько нескромных признаний)». *Веретенши* (Берлин) 1 (1922).
- Смелянский Анатолий. «Театр Михаила Булгакова: тридцатые годы». Михаил Булгаков (авт.). *Пьесы 1930-х годов*. СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
- Смирнов Юрий. «Поэтика и политика: О некоторых аллюзиях в произведениях М. Булгакова». *Булгаковский сборник*. Вып. 3. Таллинн, 1998.
- Сталин Иосиф. *Сочинения*. Т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947.
- Сталин Иосиф. *Сочинения*. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949.
- Толстой Алексей. *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: Издательство художественной литературы, 1963.
- Торчинов Валерий, Леонтьук Алексей. *Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник*. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000.
- Чайкин Вадим. *К истории российской революции. Казнь 26 бакинских комиссаров*. М.: Издательство З. И. Гржебина, 1922.
- Чудакова Мариэтта. «Материалы к биографии Е. С. Булгаковой». *Тыняновский сборник. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения*. Вып. 10. М.: Издательство «Книжная палата», 1998.
- Шатуновская Ольга. *Об ушедшем веке*. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001.
- Шенталинский Виталий. «Мастер глазами ГПУ». *Новый мир* 11 (1997).
- Эдельман Ольга. *Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.
- Яблоков Евгений. *Художественный мир Михаила Булгакова*. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Яблоков Евгений. *Михаил Булгаков и мировая культура: словарь-тезаурус*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
- Яблоков Евгений. *Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- Яблоков Евгений. *Подвал мастера. М. А. Булгаков: поэтика и культурный контекст*. М.: Полимеда, 2018.
- Яворская Алена. «Анатолий Фиолетов (Шор) на страницах одесской периодики 1918–1919 гг.» Анатолий Фиолетов (авт.). *Деревянные фаготы: Собрание стихотворений*. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017.

LITERATURE

- Allilueva Svetlana. *Dvadcat' pisem k drugu*. Moskva: Izvestiya, 1990.
- Bibinejshvili Baron. *Kamo*. Moskva: Staryj bol'shevik, 1934.
- Blyum Vladimir. «Smert' Ioanna Groznogo v MHAT-2». *Vechernyaya Moskva*. 19. 09. 1927.
- Brakman Robert. *Sekret'naya papka Iosifa Stalina. Skrytaya zhizn'*. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir»; Izdatel'stvo «YUventa», 2004.
- Bulgakov Mihail. «Batum». *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1990. Vyp. 48.
- Bulgakov Mihail. *P'esy 1920-h godov*. Leningrad: Iskustvo, 1990.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 7. Moskva: AST — Astrel', 2007.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 1. Moskva: AST — Astrel', 2008.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 2. Moskva: AST — Astrel', 2008.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 3. Moskva: AST — Astrel', 2009.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 4. Moskva: AST — Astrel', 2009.
- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. Т. 6. Moskva: AST — Astrel', 2010.

- Bulgakov Mihail. *Sobranie sochinenij*. T. 8. Moskva: Vostok — Zapad, 2011.
- Bulgakova Elena. *Dnevnik*. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1990.
- Burmistrov Aleksandr. «Neizvestnyj Mihail Bulgakov». *Mihail Bulgakov na iskhode XX veka*. Sankt-Peterburg: RIII; Sankt-Peterburgskoe Bulgakovskoe obshchestvo, 1999.
- Byl li Stalin agentom Ohranki?* Moskva: TERRA-Knizhnyj klub, 1999.
- Chajkin Vadim. *K istorii rossijskoj revolyucii. Kazn' 26 bakinskih komissarov*. Moskva: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1922.
- Chudakova Marietta. «Materialy k biografii E. S. Bulgakovoju». *Tynyanovskij sbornik*. Shestye — Sed'mye — Vos'mye Tynyanovskie chteniya. Vyp. 10. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1998.
- Dal' Vladimir. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. T. 1. Sankt-Peterburg; Moskva: Izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1903. .
- Dante Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya*. Ad. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaya literatura», 1939.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 14. Leningrad: Nauka, 1976.
- Drozdov Aleksandr. «O Yurii Slezkine». Yurij Slezkin (avt.). *Chemodan*. Berlin: Mysl', 1921.
- Edel'man Ol'ga. *Stalin, Koba i Soso. Molodoj Stalin v istoricheskikh istochnikah*. Moskva: Izdatel'skij dom VSHE, 2016.
- Gogol' Nikolaj. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 4. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
- Ikramov Kamil. *Delo moego otca*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991.
- Ioffe Solomon. «Tajnopis' v Sobach'em serdce». *Novyj zhurnal* 168–169 (1987).
- Kak pogibli 26 bakinskih komissarov i ne pogib 27-j. *Novoe vremya*. 17. 09. 2018 — URL: <http://nv.am/kak-pogibli-26-bakinskih-komissarov-i-ne-pogib-27-j/>
- Kahiani Mihail. «Geroicheskij podvig». *Pamyati 26. Materialy k istorii Bakinskoj kommuny 1918 goda*. Baku: Gosudarstvennaya tipografiya № 4, 1922.
- Kataev Valentin. *Sobranie sochinenij*. T. 7. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1984.
- Kisel'gof Tat'yana. «Iz semejnoy hroniki Mihaila Bulgakova». Leonid Parshin (avt.). *Chertovshchina v amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mihaila Bulgakova*. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1991.
- Kurbskij Andrej. «Istoriya o velikom knyaze Moskovskom». *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi*. Vyp. 8. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986.
- Levkievskaya Elena. «Zmej letayushchij». *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'*. T. 2. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999.
- Levshin Vladimir. «Sadovaya, 302-bis». *Vospominaniya o Mihaile Bulgakove*. Moskva: Sovetskij pisa-tel', 1988.
- Lur'e YAKov. «Ivan Vasil'evich [Primechaniya]». Mihail Bulgakov (avt.). *P'esy 1930-h godov*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 1994.
- Mark Tven. *Sobranie sochinenij*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo udozhestvennoj literatury, 1960. T. 5.
- Medvedev Roj. *Oni okruzhalii Stalina*. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1984.
- MHAT Vtoroj: Opyt vosstanovleniya biografii*. Moskva: Izdatel'stvo «Moskovskij Hudozhestvennyj teatr», 2010.
- Nechkina Milica. «Ivan IV». *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya*. T. 27. Moskva: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatel'stvo «Sovetskaya enciklopediya», 1933.
- Ninov Aleksandr. «Batum». Mihail Bulgakov (avt.). *P'esy 1930-h godov*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1994.
- Ostrovskij Aleksandr. *Kto stoyal za spinoy Stalina?* Moskva: ZAO Centrpoligraf, 2004.
- Pamyati «26». Materialy k istorii Bakinskoj kommuny 1918 goda*. Baku: Gosudarstvennaya tipografiya № 4, 1922.
- Pamyati 26*. Illyustrirovannoe prilozhenie k № 212 (940) gazety «Bakinskij rabochij». Baku: Bakinskij rabochij, 1923.
- Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. Leningrad: Nauka, 1979.

- Pokrovskij Mihail. *Russkaya istoriya s drevnejshih vremen*. T. 1. 4-e izd. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922.
- Pokrovskij Mihail. «Obshchestvennye nauki v SSSR za desyat' let. Doklad na konferencii marksistsko-leninskih uchrezhdenij 22 marta 1928 g.» *Vestnik Kommunisticheskoi akademii XXVI/2* (1928).
- «Polozhenie ego dejstvitel'no bezyskhodnoe»: Dokumenty o p'esah M. A. Bulgakova. *Istochnik* 5 (1996).
- Poslaniya Ivana Groznogo*. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
- Pushkin Aleksandr. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 7. Moskva: Voskresen'e, 1995.
- Radzinskij Edvard. *Stalin*. Moskva: AST, 2006.
- Sarnov Benedikt. *Stalin i pisateli*. Kn. 2. Moskva: Eksmo, 2009.
- Sebag-Montefiore Sajmon. *Molodoy Stalin*. Moskva: AST: CORPUS, 2014.
- Sennikov Boris. *Tambovskoe vosstanie 1918–1921 gg. i raskrest'yanivanie Rossii 1929–1933 gg.* Moskva: Posev, 2004 — URL: https://www.rummuseum.ru/lib_s/senn00.php
- Shatunovskaya Ol'ga. *Ob ushedshem veke*. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001.
- Shentalinskij Vitalij. «Master glazami GPU». *Novyj mir* 11 (1997).
- Slezkin Jurij. «YA zhiv (Vместo predisloviya — neskol'ko neskromnyh priznanij)». *Veretenysh* (Berlin) 1 (1922).
- Smelyanskij Anatolij. «Teatr Mihaila Bulgakova: tridcatye gody». Mihail Bulgakov (avt.). *P'esy 1930-h godov*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1994.
- Smirnov Jurij. «Poetika i politika: O nekotoryh allyuziyah v proizvedeniyah M. Bulgakova». Bulgakovskij sbornik. Vyp. 3. Tallinn, 1998.
- Stalin Iosif. *Sochineniya*. T. 5. Moskva: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1947.
- Stalin Iosif. *Sochineniya*. T. 11. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949.
- Tolstoj Aleksej. *Sobranie sochinenij*. T. 1. Moskva: Izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1963.
- Torchinov Valerij, Leontyuk Aleksej. *Vokrug Stalina. Istoriko-biograficheskij spravochnik*. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000.
- Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty CK RKP(b) — VKP(b), VCHK — OGPU — NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953*. Moskva: MFD, 1999.
- Voronov Vladimir. «Smert' Kamo: hotel zanyat'sya memuarami». *Sovershenno sekretno*. 06.07.2016 — URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/smert-kamo-khotel-zanyatsya-memuarami/>
- Voronovich Nikolaj. *Russko-yaponskaya vojna. Vospominaniya. 1952* — URL: <http://rjwar1904.ucoz.ru/VoronovM.doc>
- Yablokov Evgenij. *Hudozhestvennyj mir Mihaila Bulgakova*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001.
- Yablokov Evgenij. *Mihail Bulgakov i mirovaya kul'tura: slovar'-tezaurus*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2011.
- Yablokov Evgenij. *Hor solistov: Problemy i geroi russkoj literatury pervoj poloviny XX veka*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2014.
- Yablokov Evgenij. *Podval мастера. M. A. Bulgakov: poetika i kul'turnyj kontekst*. M.: Polimedia, 2018.
- Yavorskaya Alena. «Anatolij Fioletov (SHor) na stranicah odesskoj periodiki 1918–1919 gg.» Anatolij Fioletov (avt.). *Derevyannye fagoty: Sobranie stihotvorenij*. B. m.: Salamandra P.V.V., 2017.
- Zolotonosov Mihail. *Slovo i telo: Seksual'nye aspekty, universalii, interpretacii russkogo kul'turnogo teksta XIX–XX vekov*. Moskva: Ladimir, 1999.

Јевгениј Јаблоков

„МИ ИМАМО ЈЕДНОГ КНЕЗА У ЧИТАВОЈ МОСКВИ,
А И ОН ТВРДИ ДА ЈЕ КОЧИЈАШЕВ СИН“
(Лик политичара-вукодлака у делима Михаила Булгакова)

Резиме

У раду се анализира поетика политичких алузија у низу Булгаковљевих дела — у новели *Псеће срце*, у драмама *Зојкин сџан*, *Иван Васиљевич* и *Бајум*. Унутартекстуално алудирање на конкретног политичара у Булгаковљевим текстовима у тесној је спрези са мотивима и мотивским конфигурацијама. Као пример изабран је блок алузија на Стаљина; у Булгаковљевим делима примећујемо и алузије на компромитујуће чињенице позајмљене из „незваничне“ биографије вође (замагљено порекло, криминална прошлост, сарадња са царском стражом у улози провокатора итд.). Стаљинистичке „црте“ у лику конкретног јунака у хармонији су са сужејним мотивима променљивости, многоликости не само у метафоричном (лицемерје, дволичност), већ и у буквално-„телесном“ смислу. Митолошки дискурс је у садејству са политичким, а јунаци који су путем алузија повезани са Стаљином, имају природу вукодлака; логично, стаљинистички подтекст актуелизује опозиције оностраног / оностраног, живог / неживог.

Кључне речи: поетика, подтекст у књижевном делу, политичке алузије, М. Булгаков, проза, драматургија, вукодлак.